

Голодный блеск. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Голодный блеск. Фёдор Сологуб

Сергей Матвеевич Мошкин пообедал сегодня очень хорошо, – сравнительно, конечно, – как ему, сельскому учителю, лишившемуся места и уже с год околачивающемуся по чужим лестницам в поисках работы, и не к лицу было бы. А все-таки голодный блеск сохранялся в его глазах, грустных и черных, и придавал его худощавому, смуглому лицу выражение какой-то неожиданной значительности. Мошкин истратил на обед последнюю трехрублевку, и теперь в его карманах брэнчало только несколько медяков, да в кошельке лежал истертый пятиалтынный. Пировал он на радостях. Хотя и знал, что глупо радоваться, и рано, и нечему. Но так наискался работы и так прожился, что и призрак надежды радовал.

На днях Мошкин поместил в "Новом Времени" объявление. Он рекламировал себя, как педагога, владеющего пером, – на том основании, что корреспондировал в местную приволжскую газету. За это он и слетел с места: доискались, кто писал злые корреспонденции в "левую" газету; земский начальник обратил внимание инспектора народных училищ, а инспектор, конечно, не потерпел.

– Нам таких не надо, – сказал ему инспектор при личном объяснении.

Мошкин спросил:

– А каких же вам надо?

Но инспектор, не отвечая на неуместный вопрос, сухо сказал:

– Прощайте, до свиданья. Надеюсь увидеться на том свете...

Дальше в своем объявлении Мошкин заявляет, что хочет быть секретарем, постоянным сотрудником газеты, репетитором, воспитателем, сопровождать на Кавказ или в Крым, быть полезным в доме и т.п. Уверял, что не имеет претензий и что не стесняется расстоянием.

Ждал. Пришла одна открытка. Странно, что с ней у него вдруг связались какие-то надежды.

Это было утром. Мошкин пил чай. Вошла сама хозяйка. Сверкнула черными змеиными глазками и сказала язвительно:

– Корреспонденция Сергею Матвеевичу господину Мошкину. И, пока он читал, гладила свои черные над желтым треугольником лба волосы и шипела:

– Чем письма получать, платил бы деньги за стол, за комнату. Письмом сыт не будешь, а ты в люди походи, пощи, не боронься на испанский фасон.

Читал:

"Будьте любезны пожаловать для переговоров от 6 до 7 вечера, 6 рота, д.78, кв. 57".

Без подписи.

Злобно глянул Мошкин на хозяйку. Она стояла у двери, прямая, широкая, с опущенными руками, спокойная, как кукла, и холодно-злая, и прямо на него смотрела неподвижными, наводящими жуть глазами.

Мошкин крикнул:

– Баста!

Стукнул кулаком по столу. Встал. Заходил по комнате взад-вперед. И все твердил:

– Баста!

Хозяйка тихо и злобно спрашивала:

Платить-то будешь, корреспондент казанский и астраханский? а? сознательная твоя харя?

Мошкин остановился перед ней, протянул к ней пустую ладонь и сказал:

- Все, что имею.

Умолчал о последней трехрублевке. Хозяйка шипела:

- Я тебе не гусарская офицерша, мне деньги надобны. Дрова семь целковых, откуда я возьму? Сам себя не прокормишь, - заведи платящую воздохторшу. Ты - молодой человек со способностями, и наружность у тебя достаточно восхитительная. Какая ни есть дура найдется. А мне разве возможно? Куда ни вертыхнись, деньги вынь да положи. Дунь - руб, плюнь руб, поколей - полтора.

Мошкин приостановился. Сказал:

- Не беспокойтесь, Прасковья Петровна, сегодня вечером получаю место и рассчитаюсь.

И опять принялся ходить, шлепая туфлями.

Еще долго хозяйка шипела, торча у двери. Наконец ушла, крикнув:

- У меня стальная грудь! Другая бы иная на моем месте давно бы глаза под лоб закатила, сказала бы: живите без меня, околачивайтесь, как знаете, а я вам не крепостная.

Ушла, и в его памяти осталась ее странная фигура, прямая, с опущенными руками, с желтым широким треугольником лба под черными, гладко примасленными волосами, с усеченным узким треугольником затасканной желтой юбки, с крохотным треугольником красного нюхающего носа. Три треугольника.

Весь день Мошкин был голоден, весел и зол. Ходил без цели по улицам. Засматривался на девушек, и все они казались ему милыми, веселыми и доступными, - доступными для богатых. Остановливался перед окнами магазинов, где выставлены дорогие вещи. Все острее становился голодный блеск в глазах.

Купил газету. Прочел ее на скамейке в сквере, где смеялись и бегали дети, где модничали няньки, где пахло пылью и чахлыми деревьями, - и запах улицы и сада неприятно смешивался и напоминал запах гуттаперчи. В газете поразил Мошкина рассказ об исступленном, голодающем безумце, который в музее изрезал картину знаменитого художника.

- Вот это я понимаю!

Мошкин зашагал по аллее. Повторял:

- Вот это я понимаю!

И потом, ходя по улицам, смотря на великолепные громады богатых домов, на выставленную роскошь магазинов, на элегантные наряды прогуливающих господ и дам, на быстро проносящиеся экипажи, на всю эту красоту и утешительность жизни, доступные для всякого, у кого есть деньги, и недоступные для него, - рассматривая, наблюдая, завидуя, испытывал все более определяющееся чувство разрушительной ненависти. И повторялись в уме все те же слова:

- Вот это я понимаю!

Подшел к толстому, ленивому и важному швейцару. Крикнул:

- Вот это я понимаю!

Швейцар молча и презрительно покосился на него. Мошкин радостно захихикал. Сказал:

- Молодцы анархисты!

- Проваливай! - сердито крикнул швейцар. - Не проедайся.

Мошкин отошел. Вдруг стало страшно. Городовой стоял близко. Так резко выделялись его белые перчатки. Досадливо думал Мошкин:

"Вот бы вам бомбу сюда".

Швейцар сердито сплюнул вслед ему и отвернулся.

Мошкин долго ходил. В тестом часу зашел в ресторан среднего разбора. Сел к столу близ окна. Выпил водки, закусил анчоусами. Взял обед в семьдесят пять копеек. Пил "шабли во льду". После обеда выпил ликеру. Слегка охмелел. Под звуки органа кружилась голова. Сдачи не взял. Ушел, слегка пошатываясь, и почтительно провожаемый швейцаром, - и швейцару сунул в руку двугривенный.

Посмотрел на свои никелированные часы, - был седьмой вначале. Пора. Как бы не опоздать! Не наняли бы другого! Стремительно пошагал в Измайловский полк.

Очень мешали:

разрытые мостовые;

оголтелые, вечно сонные извозчики на переходах через улицу;

прохожие, в особенности мужики и дамы:

встречные или не сторонились вовсе, или сторонились чаще влево, чем вправо,

а те, кого приходилось обгонять, зачем-то шатались по тротуару, и не угадать было сразу, с какой стороны обгонять их;

нищие, - они и к нему приставали,

и самый механизм хождения.

Так трудно одолевать пространство и время, когда торопишься! Земля точно присасывается к себе, каждый шаг покупаешь усилием и усталостью. До боли и ломоты в икрах. От этого возрастала злоба и усиливался голодный блеск в глазах.

Мошкин думал:

"Тарарахнуть бы все это к черту! Ко всем чертям!"

Наконец добрался.

Вот рота, а вот и дом № 78. Дом четырехэтажный, обшарпанный:

два подъезда, мрачные с виду; посередине - разинутая пасть ворот. Посмотрел таблички над подъездами, - первые номера, а № 57 нет, никого не видно. У ворот белая пуговка, и над нею на медяшке заросшая грязью надпись "к дворнику".

Нажал пуговку и вошел в пасть, поискать табличку жильцов. Но прежде чем достиг таблицы, уже навстречу ему шел дворник, очень внушительного вида и с черной бородой.

- А где квартира пятьдесят семь?

Мошкин спрашивал с небрежной манерой, заимствованной от того земского начальника, из-за которого "слетел" с места. Знал уже по опыту, что с дворниками надо говорить так-то и нельзя говорить вот так-то. Скитания по чужим подворотням и лестницам тоже придают человеку известный лоск.

Дворник спросил несколько подозрительно:

- А вам кого?

С простодушной небрежностью, растягивая слова, Мошкин отвечал:

- А я и сам не знаю. Я по объявлению. Получил письмо, а кто пишет, не написано. Только адрес написали. Кто же там живет, в номере пятьдесят семь?

- Госпожа Энгельгардова, - сказал дворник.

- Энгельгардт? - переспросил Мошкин. Дворник повторил:

- Энгельгардова. Мошкин усмехнулся:

- Русификация?

- Елена Петровна, - отвечал дворник.

- Чертова перечница? - почему-то спросил Мошкин. Дворник ухмыльнулся:

- Нет-с, молодая барышня. По парадному пожалуйста, из ворот направо.

Да там над дверями табличка, только первые номера, - сказал Мошкин.

Дворник говорил:

- Нет, там и пятьдесят семь. В самом низу. Мошкин спрашивал:

- А чем она занимается? Есть у них какое-нибудь заведение? Школа? Или редакция?

Нет; оказалось, у госпожи Энгельгардовой не было ни школы, ни редакции.

- Живут своим капиталом, - пояснил дворник.

В квартире госпожи Энгельгардовой горничная очень деревенского вида провела его в гостиную направо от темной передней и просила подождать.

Ждал. Скучал и томился. Рассматривал вещи. Было нагромождено много мебели, - кресла, столы, стулья, ширмы, экраны, этажерки, столбики, на них бюсты, лампы, безделушки, на стенах зеркала, картины, литографии, часы, на окнах занавески, цветы. От всего этого было тесно, душно, темно. Мошкин шагал в тесноте по коврам. Со злобой смотрел на картины, на статуи.

"Тарарахнуть бы все это к черту! Ко всем чертям!" - думал Мошкин.

Но, когда хозяйка вдруг вошла, он спрятал свой голодный блеск, опустил глаза.

Она была молодая, румяная, высокая и, кажется, красивая. Шагала быстро и решительно, как хозяйка в деревне, и при этом неловко помахивала сильными, красивыми, белыми, голыми выше локтя, руками.

Подошла. Подала руку, - полувысоко, - хочешь, пожми, хочешь, поцелуй. Поцеловал. Нарочно, - со злости и для шутки. Быстро, громко чмокнул и зубом царпнул, - аж дрогнула. Но ничего не сказала. Пошагала к дивану. Залезла за стол, засела на диван, а ему показала на кресло. Сел. Спросила:

- Это ваше объявление было вчера? Буркнул:

- Мое.

Подумал и сказал повежливее:

- Мое-с.

И стало досадно. И опять подумал:

"Тарарахнуть бы".

Говорила, - спрашивала, что он может, где он учился, где работал. Так остороженько подходила, точно боялась раньше времени проговориться и надавать больше.

Оказалось, что хочет издавать журнал. Какой? Еще не решила. Какой-нибудь. Маленький. Ведет переговоры о покупке одного издания. О направлении журнала умолчала.

Он ей может понадобиться для конторы. Но так как в объявлении сказано педагог, - то она думала, что он учил в гимназии.

Впрочем, если он может вести конторские книги...

Принимать подписку...

Вести переписку по делам конторы и редакции...

Получать деньги с почты...

Заделывать номера в бандероли...

Сдавать их на почту...

Держать корректуру...

Еще что-то...

И еще что-то...

Барышня говорила с полчаса. Довольно бестолково перечисляла разные обязанности.

- Для этих дел надо несколько человек, - сурово сказал Мошкин.

Барышня досадливо покраснела. По ее лицу пробежали жадные гримаски. Она сказала:

- Журнал маленький. Специальный. Для такого маленького предприятия если взять несколько, то им нечего будет делать. Усмехнулся. Согласился.

- Пожалуй, что и так. У вас не соскучишься. Спросил:

- А сколько времени я у вас буду занят ежедневно?

- Ну, часов с девяти утра, - это не поздно? - часов до семи вечера, это не рано? Иногда, если спешная работа, можно и попозже посидеть или прийти в праздник, - ведь вы свободны?

- Сколько же вы думаете платить?

- Рублей восемнадцать в месяц вам будет достаточно? Подумал. Засмеялся.

- Мало-с.

- Больше двадцати двух не могу.

- Хорошо-с.

И с внезапным порывом злости встал, сунул руку в карман, вытащил оттуда ключ от своей квартиры и тихо, но решительно сказал:

- Руки вверх!

- Ах! - произнесла барышня и немедленно же подняла руки.

Она сидела на диване, очень бледная. Дрожала. Она была большая и сильная. А он - маленький и тощий.

Рукава ее одежды отвисли к плечам, и две протянутые вверх белые, голые руки казались толстыми, как ноги акробатки, упражняющейся дома. И видно было, что у нее хватит силы долго держать руки вверх. И сквозь испуг на ее лице пробивалось выражение значительности переживаемого.

Наслаждаясь ее смущением, Мошкин произнес медленно и внушительно:

- Только двинься! Только пикни! Подошел к картине.
- Сколько стоит?
- Двести двадцать, без рамы, - дрожащим голосом произнесла барышня.

Порылся в кармане, достал перочинный нож. Разрезал картину сверху вниз и справа налево.

- Ах! - вскрикнула барышня. Подошел к мраморной головке.
- Что стоит?
- Триста.

Ключом отбил ухо, оббил нос, щеки пооббил. Барышня тихонько ахала. И приятно было слушать ее тихое аханье.

Порвал еще несколько картин, порезал обивку кресел, сломал несколько хрупких вещичек.

Подошел в барышне. Крикнул:

- Лезь под диван! Исполнила.
- Лежи смирно, пока не придут. Не то бомбой тарарахну. Ушел. Никого не встретил ни в передней, ни на лестнице. У ворот стоял тот же дворник. Мошкич подошел к нему. Сказал:
- Что у вас барышня-то странная какая?
- А что?
- Да нехорошо себя ведет. Скандалит очень. Вы бы к ней пошли.
- Коли они не зовут, как же я могу?
- Ну, как знаете.

Ушел. Голодный блеск в его глазах тускнел. Мошкин долго ходил по улицам. Тупо и медленно вспоминал эту гостиную, и разрезанные картины, и барышню под диваном.

Тусклые воды канала манили к себе. Скользящий свет заходящего солнца делал их поверхность красивой и печальной, как музыка безумного композитора. Такие были жесткие плиты набережной, и такие пыльные камни мостовой, и такие глупые и грязные шли навстречу дети! Все было замкнуто и враждебно.

А зеленовато-золотистая вода канала манила.

И погас, погас голодный блеск в глазах.

Так звучен был мгновенный всплеск воды.

И побежали, кольцо за кольцом, матово-черные кольца, разрезая зеленовато-золотистые воды канала.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакии buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!